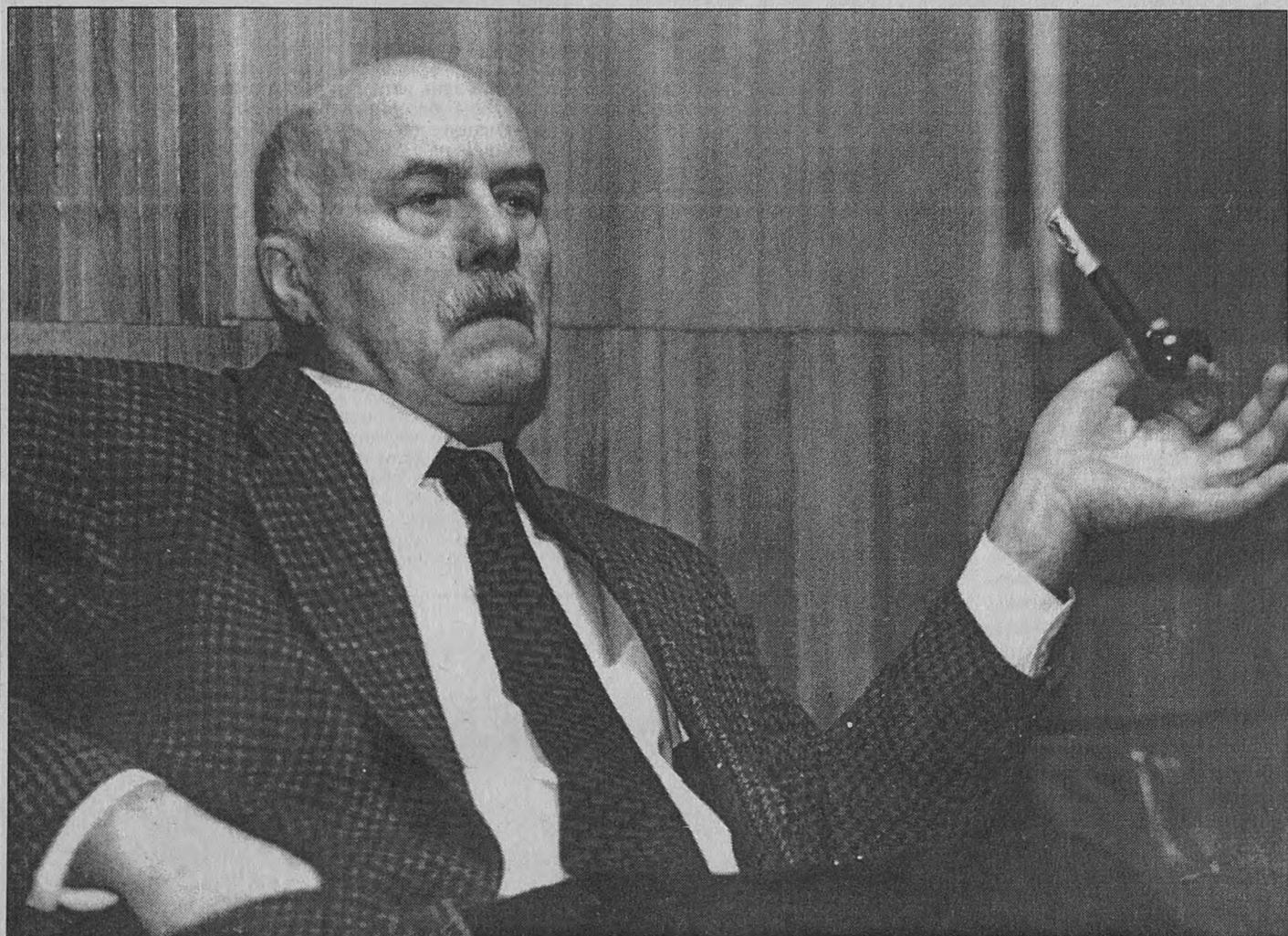

АВТОРСКАЯ ПАУЗА

На ТВЦ про кино рассказывает Говорухин

Станислав Говорухин всегда убедителен. Фото Артема Чернова («НГ-фото»)

Екатерина Сальникова

НЕДАВНО на ТВЦ появилась новая программа о кино под названием «Великая иллюзия». Идет она в прайм-тайм и просто создана для тех, кто не любит по понедельникам смотреть большие новостные программы. К тому же ведет «Великую иллюзию» Станислав Говорухин, звезда кино и политики, — то есть все стартовые данные у программы весьма выгодные. Важно ими с толком распорядиться.

С одной стороны, сама личность Говорухина мобилизует зрителя, поскольку к такому ведущему нельзя относиться нейтрально. Его можно любить или не любить, как и фильмы этого режиссера. Его взгляд на кино можно разделять или же резко не принимать, как и его общественно-политическую позицию. Редкая передача про кино может похвастаться ведущим с такой харизмой.

С другой стороны, роль ведущего не вполне привычна для Станислава Говорухина. Она требует значительной самоотверженности. Она подразумевает, что человек в кадре будет интересен не сам по себе, а концепциями и историями, составляющими предмет передачи. Говорухин же привык солировать, диктуя волю режиссера, играя роли и выражая свое мнение общественного деятеля. Говорухина множество раз приглашали и будут приглашать в телеэфир, чтобы он с пафосом отстаивал те убеждения, которые ему дороги. Он привык быть интересен собой, своим внутренним миром, своей мощной пассионарной энергетикой. В последнее время он гораздо чаще публично рассуждал с телеэкрана о политике, нежели об искусстве как таковом.

Как ни ужасно это звучит, но Говорухин доказал на своем опыте, что человеку с активной гражданской позицией в наши дни

мало быть только режиссером — сфера искусства ему тесна. И вот теперь он приходит на ТВ с темой кинематографа. Куда он поведет зрителя? Есть ли у него внутренняя потребность и уверенность, что программа об искусстве как таковом заслуживает его личной увлеченности, эмоциональных затрат, профессиональных усилий?

Пока в первых выпусках Станислав Говорухин начал рассказывать о кино — и увлекся подробностями о себе и мемуарами. Начал в интенсивном жестком ритме — и терял темп. Пребывая в кадре, сохранял, как всегда, патетичный вид и пронесил через все комментарии чувство собственной значимости, — но временами казался чуть более искусственным, чем подразумевает искренняя включенность в тематику программы. Оно и понятно, ведь почетная роль транслятора новостей и мемуаров все-таки слишком скромна для Говорухина.

Сама композиция «Великой иллюзии» балансирует между выгрышным разнообразием и некоторой хаотичностью. Сюжеты о Людмиле Максаковой, об Иве Монтане и Симоне Синьоре вперемешку с оперативной хроникой о телефильме «Наследники», российский подбор героев и событий для развития какого-то внятного сюжета в пределах программы остались непонятными. Кроме того, как только речь заходила о нынешнем кино, недоставало внутренней шкалы, учитывающей масштабы событий. Банальнейший мелодрамматизм и скудость кинематографических средств объективно ставят «Наследники» на несколько ступеней ниже фильма Михаила Пташука, с оригинальным киноязыком и авторским подходом к теме войны. При их близком соседстве кажется, что «Наследникам» было уделено слишком много внима-

ния. Впрочем, вполне понятно, что этого может требовать и коммерция, и журналистская корректность. Но от Говорухина ждешь совсем не этого. Он не сторонний журналист. В его надличную объективность трудно поверить, ею трудно увлечься. И пока развертываются сюжеты, самым загадочным и интересным остается то, как сам Говорухин относится к тем произведениям, о которых рассказывается в его «Великой иллюзии». Но этого зритель так и не узнает ни прямо, ни косвенно.

Тонированное изображение превращает саму телестудию вместе с ведущим в некое ретроспективное видение, в ожившую старинную фотографию, выключая из эстетики сегодняшнего дня. Как бы отдельно от этого существуют сугубо современные эпизоды бесед с известными лицами кино, полностью совпадающие с массовой эстетикой глянцевого интервью со звездами и ярко-пестрой светской хроники. Когда Говорухин сидит в студии вместе с Александром Балуховым и Евгением Мироновым, общаясь попеременно то с одним, то с другим, — великая иллюзия общего интереса к творчеству всех троих собеседников еще сохраняется. Но когда начинается сюжет с чаепитием в гостях у Владимира Меньшова и Веры Алентовой — диву даешься, как Станислав Говорухин попал в этот жанр для досужих любопытствующих. Алентова сидит на оранжевом полосатом диване, забравшись туда с ногами и демонстрируя зрительской аудитории свои изящные колени. Муж прихорашивается к жене и сервирует столу. А ведущий «Великой иллюзии» из своего кресла задает им вопросы о кино... Кому надо — изучают гарнитур и сервировку чаепития. Кому надо — пытаются уловить суть обрывочных рассуждений и воспоминаний всех участников эпизода. Сместь рубрик «частный быт звезд»,

«встреча с интересными людьми» и «хиты нашей памяти», возможно, отвечает коммерческим требованиям времени. Но кажется слишком эклектичной и какой-то неадекватно легкомысленной для серьезного человека, имидж которого столь прочно сохраняется за Говорухиным.

Самым жанрово выдержанным сюжетом пока была хроника кинофестиваля «Кинотавр» в Сочи. Краткие репортажи, лаконичные интервью, ловящие настроение момента, пляжные и морские пейзажи. Мелькающие лица Киры Муратовой и Аркадия Инина, высказывающего свое мнение о фильме Киры Муратовой. Кадры из «Второстепенных людей» и чьи-то несколько фраз о картине. Реплики Леонида Ярмольника и реплики Михаила Казакова. Курортный колорит, кулуарная атмосфера. Фестиваль как тусовка и явление сугубо внешнего порядка. Все мило, динамично и изящно. Но если не знать заранее, что это сюжет из авторской программы Говорухина, — можно и не догадаться.

Станислав Говорухин пока не рискует всецело быть собой в своей новой программе. Он честно пытается стать как все и сделать «нормальную» передачу про кино. Но таким людям, как Говорухин, это трудно. Потому что просто «нормально» для них — это слишком мало.

Со Станиславом Говорухиным возможен авторский пафос и азарт такого разговора о кино, какого нет нигде, — не просто как об искусстве с уклоном в мемуаристику и светскую хронику, а как о философии бытия, как о самовосприятии нации, как о части общественной жизни, наконец. Говорухин всегда очень остро чувствует конфликт эпохи. Говорухин всегда был идеологичен и полемичен. Для него органичнее не повествовать, а мыслить и доказывать. Интересно, долго ли еще ему удастся сохранять в своей программе великую иллюзию, что все это не так.